

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья Д.Е.Раскова продолжает анализ вопросов методологии экономической науки, начатый в «Вестнике СПбГУ» в 2004 г., вып. 4 (В.Т. Рязанов. «Проблема верификации в экономической теории»; С.Ю. Румянцева. «Эволюция понятия и методология анализа экономической конъюнктуры»). Редакция намерена продолжить обсуждение методологических проблем экономической науки и приглашает авторов принять в ней участие.

Д.Е. Расков

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК РИТОРИКА*

Зачастую на практике экономисты убеждают с помощью риторики. Использование риторики более четко прослеживается в устных высказываниях и обсуждениях, которые не обходятся без образных сравнений, отсылок к общим местам, без анекдотов и «историй из жизни». Экономическая теория не только обладает своей риторикой, но вслед за другими гуманитарными науками сама попадает в область риторики.

Появление проблемы риторики экономической теории — знаковое событие. Оно свидетельствует о выходе экономической теории из самоизоляции, знаменует отказ от единой предписывающей методологии, заставляет задуматься о реальной практике работы ученого.² В рамках этого подхода приобретает значение идеологическая установка, персональные качества автора (этос), стиль изложения, эмоциональный ряд (пафос), характер используемых метафор и другие риторические приемы, которые убеждают коллег-экономистов и общество. Вместе с тем риторика — это не столько попытка объяснить удачные стратегии и приемы убеждения, сколько принципиально новый взгляд на работу ученого, на саму науку.

Как часто бывает при смене парадигм мышления, риторическая проблематика стала вызовом, взрывом традиционных представлений о методологии. В середине 1980-х годов одновременно выходят две книги, ставшие базой для дальнейшей разработки этого направления. Это «Риторика экономической тео-

* Статья выполнена при поддержке Центрального Европейского университета (CEU, Special and Extension Programs).

Данила Евгеньевич РАСКОВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории СПбГУ. С 1999 г. работает на факультете. Сфера научных интересов — институциональная экономика, актуальные вопросы методологии, история старообрядческого предпринимательства.

рии» Д.Мак-Клоски и «Новая классическая макроэкономика: беседы с новыми классиками и их оппонентами» А.Кламера³.

Новый подход был вызван как осознанием кризиса в экономической теории, так и желанием повысить культуру экономистов новыми достижениями философии, истории науки, лингвистики и литературной критики. Стандартная экономическая теория, вооруженная методами логического позитивизма, исходила прежде всего из фактов и логики. Риторическая программа предлагает сместить акцент на практическое уяснение убедительности различных теорий. Согласно новому видению теории, факта не существует без интерпретации, реальности — без наблюдателя, экономики — без человека, науки — без риторики. Экономическая теория рассматривается как поэтика, как нарратив, т. е. способ выстраивания эмпирического материала в связанное описание, с присущими ему сюжетами и историями.

Характерна ироничная самокритика Д.Мак-Клоски, который считал, что именно риторический подход обновит экономическую теорию и вернет экономистов в более широкий культурный и философский контекст: «Экономисты — это поэты, но они не знают этого. Экономисты рассказывают истории без связующей нити. Экономисты — это философы, которые не изучают философию. Экономисты — это ученые, которые до сих пор не знают, что их наука стала игрой мальчишек в куличики».⁴

Нельзя сказать, что проблема риторики совсем не обсуждалась ответственными экономистами. В контексте появления новых методологических подходов эта концепция уже заняла свое место среди постмодернистских течений, которые исходят из принципиальной невозможности познать истину.⁵ Целиком же данной проблематике была посвящена статья «Риторическая концепция метода в экономической теории» московского экономиста П.А.Отмахова (1956–2000).⁶ В своей работе автор показал предпосылки появления этой концепции, продемонстрировал на примере методологической и макроэкономической литературы риторику в действии, а также дал предварительную оценку сильных и слабых сторон концепции.

В задачу настоящей статьи входит наметить контекст, идейные истоки и возможные последствия представления экономической теории как риторики. Обсуждению подлежат следующие основные вопросы: Как связано появление новой методологической концепции с общим положением в экономической науке, которое зачастую описывают как кризис и тупик? Как само внутреннее развитие позитивизма в экономической теории привело к риторике? Чем посмодернистское понимание риторики отличается от античного? Имеет ли смысл четкое деление на науку и искусство, на ложные теории и истинные в рамках риторической программы? Каково место метафоры в экономической теории? Какие риторические программы и метафоры использовали экономисты для убедительности своих теорий? За что критикуют риторическую программу? И, наконец, каким видится будущее экономической теории в контексте риторики?

Кризис модернизма

Если исходить из той картины развития научного знания, которую рисует Томас Кун, то кризис — это здоровое явление, которое знаменует смену парадигмы и основных инструментов познания. Точность и развитость предыдущей парадигмы приводят к большей чувствительности в обнаружении труднообъяснимых аномалий.⁷ Расцвет и развитость быстрее ведут к кризису. Накопление выходящих за рамки теории фактов приводит к изменению техники измерения, к усовершенствованию оболочки теории. Основное течение стремится к «обволакиванию» исключений. Так магистральное направление экономической теории открыло время и динамику, институты фирмы и государства, неопределенность и асимметричность информации. Но список исключений все более разрастается, настоятельнее становится вопрос об альтернативе. «Значение кризисов, — по мысли Т.Куна, — заключается именно в том, что они говорят о своевременности смены инструментов».⁸ Астрономия Птолемея достаточно хорошо предсказывала положение планет для мореплавания, однако для массы внутренних технических проблем астрономии и таких внешних обстоятельств, как уточнение календаря, гораздо более подходила гелиоцентрическая концепция Коперника. В моменты кризиса умножается количество альтернативных теорий и объяснений, активной ведется поиск новых оснований.⁹

К концу XX в. все чаще стали говорить о кризисе экономической теории.⁹ Прежде всего его связывали с неспособностью экономистов решать практические задачи (в особенности в странах с переходной экономикой), оторванностью теории от реального мира,¹⁰ с разочарованием в позитивизме, с неспособностью учитывать историческое и морально-этическое измерение, проблемы внешней среды и будущих поколений. Условным, собирательным термином «модернизм» представители риторического подхода обозначают состояние кризиса прежнего научного мышления. По их мнению, основная причина теоретических и практических неудач экономистов связана с ориентацией на устаревшую технику исследования и философию, которая не соответствует новым реалиям.

Что же имеется в виду под модернизмом? Фактически это собирательный термин для многих «измов» — формализма, рационализма, эмпиризма, позитивизма. Д. Мак-Клоски относит к модернизму такие «грехи», как вера в науку и прогресс, стремление подводить все исследования под стандарты предписывающей методологии с большой буквы, излишняя приверженность формальной логике и абстрактным моделям. Модернизм опирается на философию Декарта, Юма, Конта, Рассела и Поппера, философию, которая, по мысли постмодернистов, уже давно устарела. К примеру, считается, что в литературе модернизм закончился 50-ми годами XX в., когда шел постепенный отказ от логического и научного рационализма, исходящего из тотальной познаваемости мира и универсальной системы знаний.¹¹ Примечательно, что критика риториков близка таким альтернативным течениям, как австрийская школа политической экономии, институционализм и марксизм. Риторический подход сближается с австрийской школой в представлении об экономике как развивающемся организме, а не механизме, с институционализмом — в понимании экономических процессов

в контексте общества, культуры и истории, и, наконец, с марксизмом — в обнаружении и критике идеологического (по преимуществу буржуазного) характера современной экономической теории.¹² Если бы модернизм последовательно применялся, то не могли бы получить широкого распространения идеи Дж.М. Кейнса, М. Фридмана и других экономистов, высказывающих принципиально новую позицию без достаточного эмпирического подтверждения.

Наиболее полно это понятие выражено Д. Мак-Клоски в так называемых «десяти заповедях модернизма»:

1. Главная цель науки — в предсказании и контроле. Как говорил Конт, «prevoir pour pouvoir».

2. Только наблюдаемые приложения (или предсказания) теории имеют отношение к ее истинности.

3. Наблюдаемость предполагает объективный, воспроизводимый эксперимент. Даже интервью бесполезны, поскольку люди могут обманывать.

4. Только ложность эксперимента может доказать ложность самой теории.

5. Представляет ценность лишь объективное знание, субъективное «наблюдение» (интроспекция) не ведет к научному знанию, потому что объективность и субъективность не могут быть связаны.

6. Принцип Кельвина: «Когда Вы не можете выразить Ваши знания в числах, они скудны и неудовлетворительны» ... Фрэнк Найт, известный экономист из Университета штата Айова, писал: «Да, и когда Вы не можете измерить, все равно измеряйте».

7. Интроспекция, метафизическая вера, эстетика и т. п. могут играть важную роль в открытии гипотезы, но не могут использоваться в ее обосновании. Доказательство существует вне времени, сообщество ученых не имеет отношения к их истинности.

8. В задачу методологии входит демаркация между научным и ненаучным суждением, между нормативным и позитивным высказыванием.

9. Научное объяснение явления подводит его под более универсальный закон.

10. Ученые, в частности экономисты, как таковые не должны высказывать личностных суждений, равно как не должны рассуждать о морали или искусстве.¹³

Экономическая теория долгое время находилась в самоизоляции от других гуманитарных и социальных наук, превратилась в эзотерическое, келейное учение. Экономисты при этом полагали, что именно экономический подход является универсальным и точным и может приближаться к идеалам естественных наук.

Кризису предшествовал период расцвета и радужных надежд на прогресс и светлое будущее. Экономическая теория стала претендовать и до сих пор претендует на центральное место в социальных науках. Сама жизнь в Новое время стала больше подвержена калькуляции и рациональному счету, все большее распространение получила логика рынка. Об этом писали Макс Вебер, Георг Зиммель. Характерны слова Георга Лукача, который, говоря о буржуазной практике калькуляции ожидаемых результатов, писал: «... жизненный круг, в котором живут люди, — во все большей мере становится обозримым, вычислимым, предвидимым... весь мир явлений — независимо от его содержательно-материальной дифференциации — может быть сделан предметом строгого исчисления».¹⁴

В Новое время экономическая теория становится самодовлеющей дисциплиной. Адам Смит, профессор моральной философии Университета Глазго, систематизирует представления о причинах богатства общества, руководствуясь при этом ньютоновской картиной мира. Человек — это прежде всего индивид, атом; экономика — такая же равновесная машина, механизм как часы, в равновесие ее приводит потусторонняя сила — «невидимая рука рынка» (аналог Бога-часовщика). К XX в. экономическая теория все больше становится наукой о поведении человека (Джевонс, Менгер, Роббинс). Происходит дальнейшая борьба за освобождение экономической теории от нормативных элементов: ценностей, политических интересов. Достаточно упомянуть М.Фридмена, П.Самуэльсона, Т.Купманса, которые фактически разработали каркас современной экономической теории. Этот каркас (в аксиомах и моделях) в общих чертах сохраняется и в последних учебниках.

Исходя из безграничности потребностей человека и ограниченности ресурсов, главной для экономической теории становится проблема оптимального выбора среди различных альтернатив. Само наличие возможности выбора определяет на сегодняшний день границу применимости экономической теории. Принцип максимизации, использование предельных величин в нахождении оптимума, денежная оценка альтернатив, постулируемый равновесный характер рыночной экономики сделали возможным аксиоматическое моделирование рыночных процессов.

Критика приводила и приводит к тому, что в модели включаются более реалистичные допущения, к примеру отход в теории потребительского поведения от совершенной рациональности к ограниченной рациональности (Г.Саймон) и оппортунистическому поведению, признание существования транзакционных издержек (Р.Коуз). Новые идеи при всей кажущейся революционности зачастую вели к сохранению прежней исследовательской программы с неизменным теоретическим ядром. Так, идеи Дж.М.Кейнса об экономике как прикладной этике, о метафорическом уподоблении делового мира детской игре, в которой надо успеть сесть на ограниченное количество стульев, как только музыка перестанет играть, не нашли своего развития в кейнсианстве.

К риторическому подходу вплотную подошло и внутреннее развитие методологии позитивизма. Под натиском критики представителям позитивизма пришлось сделать первое отступление и отказаться от реалистичности допущений. Наиболее предельно эту концепцию выразил защитник позитивной экономической теории М.Фридмен в статье «Методология позитивной экономической науки». Показателен пример о расположении листьев в кроне дерева, который был призван показать несущественность изначальных предпосылок для научности теории: «Я выдвигаю гипотезу, что листья расположены так, будто каждый лист сознательно стремится максимизировать количество получаемого им солнечного света при данном расположении его соседей, как будто он знает физические законы, определяющие количество солнечного света, которое было бы получено в различных положениях, и может быстро и мгновенно перемещаться из любого положения в любое другое желаемое и незанятое место».

Гипотеза предсказывает, что на солнечной стороне листьев больше. Речь идет об известном для экономистов принципе КАК БУДТО. Игроки в бильярд бьют по шару так, как будто они знают сложные математические формулы, задающие оптимальное направление шара. Потребитель действует так, как будто максимизирует полезность, фирмы — как будто знают предельные издержки и эластичность спроса на свою продукцию. Читатель, как если бы понимал, соглашается: действительно, во всем, что происходит в экономике, есть смысл и логика, а логика взаимодействия спроса и предложения, стремления к максимуму звучит вполне убедительно, а точнее: *как будто* убедительно. Очевидно, что в изначальных допущениях при таком подходе действует принцип профессионального соглашения в «цехе» экономистов или, как сказал бы Кламер, племени экономистов.

«Позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции и нормативных суждений», — утверждает Фридмен.¹⁶ Однако сама концепция чикагского экономиста основана на нормативной вере в прогресс позитивных знаний. Допущение о том, что нормативная теория и искусство напрямую зависят от прогресса позитивной науки, также является частью нормативной концепции.¹⁷ Так *должно быть*. Далеко не факт, что так оно и *есть*. Если позитивная наука может не зависеть от нормативной, то почему нормативная обязательно зависит от позитивной?

Тем самым теория с ложными допущениями обладает правдоподобием, если ее следствия согласуются с наблюдениями. Возникают определенные сомнения в существовании самой реальности. Признается, что полностью реалистичная теория — это фикция. Такие вынужденные уступки неизбежно вели к осознанию того, что при выдвижении гипотез большую роль играют вдохновение, творчество, интуиция, стимулирующие афоризмы и примеры, откуда уже один шаг до риторического подхода.¹⁸ В дальнейшем позитивистам пришлось столкнуться еще с рядом трудностей. В частности, пришлось признать, что доказать (верифицировать) эмпирически какой-то факт сложнее, чем опровергнуть (отсюда принцип фальсификации),¹⁹ а опровергнуть одним фактом взаимосогласованный набор концептов трудно, поскольку всегда можно переосмыслить внутренние взаимосвязи, не меняя суть самой концепции.

Кризис, наличие множества точек зрения по одним и тем же вопросам заставили с большим вниманием отнестись к самой проблеме получения знания экономистами. Методологический бум способствовал усилению рефлексии. Если экономическая теория — это то, чем занимаются экономисты, то все же чем они занимаются? Строят замок из слоновой кости, или, по образному сравнению Д.Мак-Клоски, экономисты, как дети, «лепят куличики в песочнице»? Проблема риторики, проблема языка пришли как осознание кризиса модернизма, кризиса позитивизма.

Риторика как явление постмодерна

Появление проблематики риторики экономической теории или представление экономической теории как риторики симптоматично. Признание за текстом, языком особой роли — не просто посредника между явлениями и теорией,

а языком, в котором для убедительности используются поэтика, метафоры, общие места и правдоподобные истории, открывает тему, которая лежит на стыке с философией, лингвистикой и литературной критикой. За экономической теорией увидели не только логику и факты («факт всегда глуп», как говорил Ницше), но эмоциональную, образную составляющую, с помощью которой экономисты убеждают своих коллег и более широкую публику в собственной правоте. Причем, как оказалось, строгость, простота и даже использование математики также являются успешными риторическими программами. Более того, сама математика не свободна от риторики.²⁰

Как понимать сам термин «риторика»? Интерес к риторике — это возрождение античности или прагматизм постмодерна? Риторика как искусство убеждения, ораторское искусство, как и многие другие термины, часто используется в журналистском, «сниженном» контексте — «это всего лишь риторика». «В речах его нет души, это одно лишь заученное риторство», — такие слова приводит В. Даль.²¹ Последнее время идет положительное переосмысление риторики. В риторике как особой «культуре готового слова» интересует не орнамент, не украшение, но искусство слова, характер аргументации. Приходит понимание, что не только теория реализует себя в языке, но и сама практика, экономика как таковая осуществляется людьми через слово и не может быть понята вне этого контекста.

Античная риторика воспитывала вкус к общим местам, опиралась на принципиальное существование истины, вписывалась в систему плюралистического авторитаризма. Согласно замечаниям тонкого знатока античности С. Аверинцева, риторика предстала как искусство убеждать, как культура универсалий и норм: «Это самая гармоничная, беспроблемная, непротиворечивая реализация плюралистического авторитаризма. Тютчев сказал, что мысль изреченная есть ложь; в основе риторики лежит максима, которую можно сформулировать, вывернув наизнанку тютчевскую максиму: мысль изреченная есть истина. Но, конечно,²² при условии, что "изречена" она не как-нибудь, а по всем правилам риторики».

В рамках такой риторической культуры слово, которым пользуется поэт или ученый, уже дано как готовое. Слово, смысл которого заложен, непосредственным образом связано со знанием и моралью. И что, пожалуй, самое важное при осознании различий риторики античной и современной — это отношение к истине. Как пишет автор известной концепции риторики как «культуры готового слова» А. В. Михайлов, «в рамках такого риторического типа культуры истиной можно играть и над истиной можно смеяться, можно из каких бы то ни было соображений переворачивать истину, но опровергать и отрицать истину, собственно говоря, нельзя, потому что тут, в рамках такого типа культуры, в конечном счете всегда совершенно твердо известно, что *есть* истина и *что* есть истина, а вместе с тем все истинное еще и морально-положительно, так что можно только как угодно сдвигать веса внутри системы, но изменить самое систему, при которой есть нечто истинное, правильное, доброе, благое, совершенно немислимо, как и невозможно сделать так, чтобы существовало такое знание, не имеющее морального смысла».²³

Пожалуй, в большей степени риторика в экономической теории связана с антимодернизмом, истоки которого можно обнаружить у Джамбаттиста Вико

(1668–1744). В известной речи «De nostri temporis studiorum ratione», написанной по случаю начала нового 1708 учебного года в Университете Неаполя, Вико подверг критике научный метод Р.Декарта и Ф.Бэкона. Научной рациональности он противопоставляет риторику античности, где воспитывались не только аналитические способности, но память, воображение, мудрость, красноречие, умение общаться и жить с людьми, задействовать не только разумную сторону человека, но заставлять сопереживать, верить и действовать. Если Декарт в известном трактате «Рассуждение о методе» предлагает для отыскания истины в науках путь одинокого отшельника, ничего не принимающего на веру и доверяющего только собственному разуму, то Вико видит в этом опасность одностороннего развития науки и человека. Вико убежден, что истина может быть выражена только в речи, где неизбежно используются общие места (*sensus communis*). Сама риторика при этом и есть «говорящая мудрость». Нацеленность на познание зачастую не является чисто разумной, но в большей степени зависит от одержимости, от страстной стороны человека. Научить, согласно Вико, можно, только пробудив любовь к предмету, после чего появляется вера, а дальше уже есть надежда, что от инерции студент, будущий ученый перейдет к делу.²⁴ Для прогресса науки недостаточно все ставить под сомнение, но надо уважать и мнение других, недостаточно самому заниматься исследованиями, нужно еще донести эти идеи до других. Представление о гармоничном развитии ученого Вико переносил и на университет и отмечал, что в умении общаться, в развитии не только ума, но и ловкости тела (атлетика, борьба, банные процедуры) есть чему поучиться у античности.²⁵ Тем самым Вико, призывая «думать сердцем», предвосхитил дискуссию о разнице в методах познания наук о культуре и наук о природе, одним из первых в Новое время привлек внимание к проблеме риторики и языка.

Позднее в этот ряд антимодернистов можно поставить Фридриха Ницше и в более постмодернистском ключе — Жан-Франсуа Лиотара, Джанни Ваттимо.²⁶ В постмодернистском дискурсе риторика приобретает второе дыхание. В ситуации, когда поиск истины проблематичен, наступили «конец истории» (Ф.Фукуяма) и «смерть автора» (Р.Барт), все новое принципиально устарело (Б.Гройс), а реальность мифологизируется, — осталось внимательнее относиться к риторике, к самим текстам. В философии (Р.Рорти), истории (Х.Уайт) подобные исследования риторики были предприняты раньше, чем в экономической теории.²⁷

По признанию филолога У.Эко, в гуманитарном знании идет постепенный переход от бесспорности к риторике, от аподиктического и диалектического к риторическому дискурсу, где главное — не силлогизмы и суждения, давящие весом аргументов, а техника убеждения. «Все прочие дискурсы, — пишет У.Эко, — которые когда-то принадлежали сферам логики, философии, теологии и т. д., нынче должны быть отнесены к побудительному дискурсу, стремящемуся сбалансировать не бесспорные аргументы и побуждающие слушателя согласиться с тем, что основано не столько на Абсолютном Разуме, сколько на взаимосвязи эмоциональных моментов с требованиями времени и практическими стимулами».²⁸

Изменениям в эпистемологии соответствует и нарастание качественных сдвигов в самой экономике. Постмодерн предполагает переход от индустриального капитализма, нацеленного на расширение производства, к постиндуст-

риальному, информационному обществу, в котором реальность виртуализуется и все большее значение играет потребление. Происходит смена базовых образов и метафор, описывающих экономику. Если раньше экономика мыслилась как «дом», «фундамент», «подвал», механизм, подобный часам, то для постмодерна характерны такие метафоры, как «сеть», «информационное поле», «энергия», «ризома». Образы уже не отображают, а опережают пластическую реальность. На смену подчинения разуму бессознательного приходит концепция взаимопроникновения сознания и бессознательного. Вместе с отвержением единых всеобъемлющих схем объяснения вырастает роль рынка как связующего звена между разнородным и несопоставимым. Происходит рост коммерциализации всех сторон жизни человека, само время и пространство все в большей степени становятся товарами. Не случайно американский философ Ф.Джеймисон называет постмодерн поздним капитализмом, а С.Л.Кропотов показывает, что именно экономические метафоры занимают центральное место в неклассической философии искусства.²⁹

Поиск истины и реальности становится все более проблематичным, поскольку постмодерн символизирует утрату веры в рациональность и истину как универсальные, тотальные идеи. Отказ от единого критерия истины ведет к тому, что истина раскрывается не в инструкциях и предписаниях, а в поляриностях, иронии, утрировании. Постулирование принципиальной несоизмеримости различных аспектов экономической действительности ведет к дискурсивной природе истины, а сам дискурс рисуется как подвижный и фрагментарный.³⁰ Тем самым сама наука переосмыляется в терминах катастрофы, нелинейности, парадоксальности. Неадекватность современной экономической теории и необходимость ее риторического переосмысления становится очевидной в контексте общего кризиса классической гуманитарной теории.

Риторика и метафоры экономистов

В середине 1980-х годов, как уже отмечалось, возмутителями спокойствия выступили Д.Мак-Клоски и А.Кламер. Их книги открыли непрекращающуюся дискуссию по вопросам риторики в экономической теории.

«Риторика экономической теории» написана в провокационной манере автором, который зарекомендовал себя как приверженец применения неоклассической теории и, прежде всего, теории цен к экономической истории; автором, чьи работы по экономической истории Великобритании были признаны как достижение клиометрии. Эту книгу по жанру следует рассматривать как манифест нового направления, в котором скандальность и яркость идей работают на конечную задачу — привлечь внимание экономистов к проблеме. Задача риторического подхода состоит, по Мак-Клоски, в том, чтобы признать литературу и поэтику экономической теории, научить «читать между строк», продвинуть «анархическую теорию в экономическую теорию», объяснить успех и убедительность некоторых статей и фиаско других, сделать экономическую теорию частью общей гуманитарной культуры.

Мак-Клоски отвергает предписывающую Методологию с большой буквы, которая замыкает экономистов в устаревшем пространстве модернизма. Ос-

новой ход, к которому прибегает автор «Риторики», — это показать не декларируемые, а практические приемы и риторические ходы, с помощью которых экономисты убеждают.

Доказательство закона спроса. Один из типичных, хрестоматийных примеров — это доказательство так называемого закона спроса. Он состоит в том, что «кривая спроса наклонена вниз». Иными словами, в том, что за меньшую цену люди, при прочих равных условиях, готовы покупать больше.

Официальная риторика говорит, что экономисты верят в это благодаря статистическим подтверждениям приведенного факта (отрицательные коэффициенты в функции спроса на чугун). Однако в большинстве случаев гипотезы подтверждаются: интроспекцией (что бы я сделал?), мысленным экспериментом (что бы сделали другие?), исключительным случаем (нефтяной кризис), авторитетом других исследователей (А.Маршалл был в этом уверен), симметрией (закон спроса как отражение закона предложения), определением (более высокая цена оставляет меньше возможностей для траты денег), аналогией (если кривая спроса на жевательную резинку наклонена вниз, то же самое верно для кривых спроса на жилье или любовь).³¹

Так на практическом примере Мак-Клоски показывает многообразие риторических приемов.

В развернувшейся дискуссии активный приверженец принципа фальсификации Поппера М.Блауг отозвался о подобном подходе к обоснованию спроса как «заманчивом», но «неверном». «Если бы статистические данные многократно показывали бы иное, — склонен полагать Блауг, — ничто не заставило бы экономистов просто поверить в “закон спроса”». ³² Однако когда сам Блауг пытается ответить на вопрос: «Является ли закон спроса законом?», ситуация, сложившаяся в теории потребительского выбора, оказывается сложнее. Доказательства закона спроса основываются не на статистике и фактическом материале, а на рациональности и других аксиомах поведения потребителя. Более того, эмпирически невозможно наблюдать кривую, а каждый раз лишь непосредственную точку, отражающую цену и количество купленного блага. По признанию Блауга, две основные на сегодняшний день теории — теория выявленных предпочтений Самуэльсона и порядковая теория кривых безразличия Хикса, с помощью которых дедуктивно обосновывается закон спроса, «лежат за версту» от эмпирических данных. Таким образом, Блауг *верит* в то, что эмпирические данные являются основой для закона спроса, а исключение из закона спроса — товар Гиффена — лишь эмпирическим отклонением. Эмпирика и риторика остаются предметом веры и убежденности.

Для дальнейшего пояснения своей позиции Кламер и Мак-Клоски образно противопоставляют «квадратной» логике традиционных методологов (в том числе М.Блауга) «округлую» риторическую. Часто интерпретации методологов науки и представителей риторического подхода очень близки, но все дело в тонких различиях, которые очень важны для уяснения недопонимания сути риторического подхода.³³

В отличие от методологов и философов науки, те, кто исповедует риторический подход, не просто показывают, что кажущееся истинным или рациональным на самом деле не является таковым, но выявляют причины *веры* в то, что

истинно или рационально. Если философы науки полагают, что риторический подход стремится разоблачить общепринятые знания в науке, то сами «риторы» стремятся показать, что есть разумные альтернативы общепринятому знанию либо научному представлению. Вопреки распространенному мнению, «риторы» не стремятся изобразить иррациональность и алогичность исследователей, но показывают, что заниматься наукой — не означает оставаться в узких рамках рационального; они не столько заявляют, что власть в науке часто закрывает глаза на факты и аргументы, сколько показывают, что многое в науке принимается благодаря авторитету и власти. «Риторы» не принижают науку, заявляя, что она — всего лишь искусство, но показывают, что в науке используются метафоры, истории и другие человеческие аргументы; не подрывают статус ученых, покушаясь на их достоинство и финансы, но стремятся повернуть науку к обществу, сделать ее более живой и человеческой.

В современном «научном производстве» возросло число публикуемых книг и статей.³⁴ Лишь немногие из них становятся известными и цитируемыми. По сути, «сухой остаток» многих публикаций одинаков. Однако одни становятся широко известными, другие — нет. Одна из значимых составляющих — риторика. Мак-Клоски разбирает несколько возможных риторических программ.

Риторика Фогеля. Яркий пример агрессивной риторики — Роберт Фогель. В 1963 г. он защитил докторскую диссертацию, по результатам которой была опубликована его первая монография «Железные дороги и экономический рост в Америке: очерки по эконометрической истории».³⁵ В этой работе он оспорил тезис о доминирующей роли железных дорог в экономическом развитии США (тезис Ростоу). Как строгий ученый, он показал, что их вклад не мог превышать 2,5 % от национального дохода, а, используя метод «контрфактического моделирования», постарался убедить читателя, что более эффективной могла оказаться транспортная система каналов. Мак-Клоски подчеркивает, что похожие аргументы выдвигались и другими авторами. Более академичная и детально проработанная работа А. Фишлоу с обширными отступлениями и исторической панорамой не пользовалась таким успехом.³⁶ Фогель риторически превзошел всех. Помогло и его «левое» прошлое, и формирование нового типа аудитории для своей работы — историков-экономистов, которые доверяют не описанию, а строгим методам исследования. Этот риторический ход прогрессивного ученого был нов для того времени. Историки предпринимательства с трудом понимали и использовали эконометрический аппарат. «Посторонись, пришло новое время, ученый идет!» — как бы говорил Фогель. Во многих своих заключениях Фогель приходил к нетривиальным выводам. Кроме обоснования скромной роли железных дорог в развитии США он пришел также к выводу, что рабство на Юге США было экономически эффективным и выгодным, а причины его падения были связаны с политическими и этическими причинами. Провокационность идей, агрессивность риторики сочетались у Фогеля с продвижением нового жанра «научности» для экономистов-историков.

Риторика Коуза. Как уже очевидно, одним из риторических приемов является перенесение общего подхода одной дисциплины на другую. На примере работ известного институционалиста Рональда Коуза³⁷ Мак-Клоски показы-

вает перенос правовой логики прецедентного права, характерной для Великобритании, в область экономического исследования фирмы и общественных благ.³⁸ Известно, что в годы обучения в Лондонской школе экономики Коуз предпочитал право математике. Как писал ретроспективно сам Коуз, «больше всего времени я уделял курсам права, в особенности промышленного права. Я был зачарован судебными делами и юридической аргументацией».³⁹ Частный случай для Коуза уравнивает в правах с общими принципами. Типичный пример, которого нет у Мак-Клоски, — это статья Коуза «Маяк в экономической теории» (1974).⁴⁰ Статья построена следующим образом. Сначала Коуз показывает стандартную трактовку маяка как общественного блага в трудах Дж.С.Милля, А.Пигу и, наконец, П.Самуэльсона, заостряя внимание на том, что интерпретация последнего уже не столь однозначна. После этого Коуз обращается к конкретной истории строительства и содержания маяков в Великобритании. Оказалось, большая часть маяков была построена на частные средства и содержалась частными компаниями, а не государством. Тем самым, разбирая частные случаи, Коуз показывает оторванность «экономики классной доски» от реальных прецедентов. Эти прецеденты должны, по мысли Коуза, менять общие принципы теории. Действительно, большая часть заслуг Коуза относится к проблемам, стоящим на стыке экономики и права, — проблема внешних эффектов (загрязнение окружающей среды), общественных благ (радио, телевидение, почта). Немалую роль в отыскании и решении этих проблем играл особый, как его называет Мак-Клоски, «готический», прецедентный подход Коуза как ратора.

Арсенал различных риторических программ достаточно широк: от намеренной упрощенности (Г.Беккер) до несогласия и иронии (К.Маркс) и «многозначности», открывающей простор для интерпретации (Дж.М.Кейнс). Кроме указанного уже жанра передового научного текста внимание представителей риторического подхода было обращено и к такому жанру, как учебник, который в образовании экономиста занимает более важное место, чем в других гуманитарных дисциплинах.

Учебник как особый жанр экономической литературы. Историки науки не раз подмечали, что учебники всегда пишутся исходя из постулатов победившей в настоящее время парадигмы. История развития дисциплины, дискуссионный характер основных положений, как правило, излагаются в сжатом виде с тем, чтобы лишь создать впечатление преемственности. Учебники, как настаивает Т.Кун, «сужают ощущение ученым истории данной дисциплины, а затем подсовывают суррогаты вместо образовавшихся пустот... Неудивительно, что учебники и историческая традиция, которую они содержат, должны переписываться заново после каждой научной революции. И неудивительно, что, как только они переписываются, наука в новом изложении каждый раз приобретает в значительной степени внешние признаки кумулятивности».⁴¹ Предельный пример, подтверждающий эту мысль, — учебник «Экономическая мысль в ретроспективе» М.Блауга. В ней достижения Адама Смита, Томаса Мальтуса, Давида Рикардо представлены с помощью современных инструментов анализа спроса и предложения (предельные нормы замены, кривые безразличия и т.д.), предполагающих использование графиков и дифференциального счисления.⁴² Мысли, высказанные этими авторами, переинтерпретируются до неузнаваемости.

В стандартных учебниках по экономической теории проводится определенное представление как о теории, так и о самом предмете исследования — экономической реальности. Исследование «автопортрета» экономической теории по сопоставлению вводных глав двенадцати изданий самого популярного учебника П. Самуэльсона провел А. Кламер.⁴³ С момента выхода в 1948 г. учебник каждые три года переиздавался и по праву может быть назван самым авторитетным. В результате исследования Кламер приходит к следующим заключениям. Самуэльсон уподобляет экономическую теорию естественным наукам, сглаживает полемику внутри теории, показывая, что большая часть разногласий касается политики и этики, а если и возникают конфликты, то они разрешаются синтезом позиций. Создается впечатление, что любые разногласия легко устраняются, а других подходов, кроме неоклассического, практически не существует. В учебнике представлены проблемы, но не предложены различные варианты их решения, автор вводит читателей в «лабораторию» экономических расчетов, но конкретная техника эмпирических тестов или построения моделей опускаются. Наконец, экономическая теория, согласно такому учебнику, идеологически замыкается на исследовании только рыночных взаимоотношений. Фактически Кламер проводит деконструкцию текста Самуэльсона. С большей частью аргументов Кламера согласились бы многие экономисты, но возникает другой вопрос — а возможно ли написать такой учебник, в котором были бы отражены все дискуссионные вопросы, материал бы представлялся с позиций разных экономических течений и отсутствовала бы единая методология? Возможно ли написать такой безукоризненно честный учебник? Появление такого учебника, видимо, отвечало бы самым актуальным запросам.

Риторический подход продолжает критику неявной идеологии, которая заложена в основных учебниках по экономической теории. В статье «Риторика экономических текстов» Д. Джорж показывает на примере десяти самых популярных учебников, что эти тексты не преследуют исследовательских задач, но ориентированы на рынок, скорее оправдывают status quo и больше рекламируют сами себя, чем являются текстами для размышления и понимания.⁴⁴ Идеологическая, эмоциональная окраска многих высказываний относительно государства как присваивающего в свою пользу частные средства, налогов как тяжелого бремени и воровства, инфляции как средства для обеднения населения никак не связана с позитивным содержанием теории. По мысли автора, появление таких неоправданных акцентов обусловлено рыночной идеологией бизнеса, которая косвенным образом влияет и на авторов учебников. Тем самым мы видим, что в рамках риторического подхода продолжается критика идеологии.

Метафора в экономической теории. Одним из основных риторических приемов является использование метафор.⁴⁵ Почти все термины экономической теории являются живыми либо мертвыми метафорами. «Ценовой механизм», «конкуренция», «рынок», «человеческий капитал», «ликвидные активы», «кривая спроса», «производственная функция», «эластичность», «депрессия» — все это метафоры, поскольку это знание о мире, выраженное не буквально, а через перенос значения из другой предметной области или сферы жизни. Экономическая теория не только заимствует метафоры из физики, химии, биологии, геологии и т. д., но и сама поставляет метафоры для социальных наук.

Примером экспорта экономических метафор может быть теория рационального выбора Г.Беккера. В рамках «империалистической» экономической теории была разработана универсальная модель выбора как системный подход к анализу многих неэкономических сфер жизни человека (политика, право, образование, семья, преступность). Мак-Клоски с большой симпатией, если не сказать восторгом, представляет «поэтические» достижения Беккера, называет его «Киплингом экономической империи».⁴⁶ В данном случае речь не идет о скрытой идеологии. Напротив, Мак-Клоски поддерживает подобные яркие и смелые ходы продолжателей неоклассики: преступник как бизнесмен, семья как маленькая фирма, брак как контракт, дети как активы длительного пользования. Дискриминация, преступность, брак, моногамия, рождение детей и даже смерть (эвтаназия) получают экономическое осмысление. Беккер фактически снимает дихотомию выгоды и морали. Оставим пока в стороне критику содержания теории Беккера. Отметим лишь, что неожиданные метафоры с широкой областью применения, такие, например, как «человеческий капитал», двигают вперед производство «экономических знаний».

Без метафоры невозможно осмыслить и описать новое явление. Само сознание и мысли неизбежно метафоричны. Но все ли метафоры хороши? Все ли метафоры одинаково значимы? Ответить на этот вопрос попытались А.Кламер и Т.Леонард.⁴⁷ Ими была предложена типология научных метафор. *Базовые* метафоры формируют концептуальные схемы понимания и интерпретации окружающего мира (механизм, машина или живой организм). Экономика как машина описывается в терминах ценового механизма, равновесия, «невидимой руки». *Педагогические* метафоры («кругооборот доходов», «время—деньги») призваны прояснить сложные взаимосвязи через уже известное. Они в большей степени призваны иллюстрировать, разъяснять. Для исследовательских задач наибольший интерес представляют *эвристические* метафоры («человеческий капитал», «рынок рабочей силы»). По мысли авторов типологии, на их основе разрабатывается аналоговая система, модель, приводящая к новым результатам. Подобного рода метафора содержит в себе потенциал для развертывания, ее возможности с течением времени разрастаются, пока от чрезмерного использования она не превращается в мертвую метафору, занимая свое место среди терминов экономистов.

Критика риторического подхода. Выступление Д.Мак-Клоски и А.Кламера сразу привлекло внимание экономистов, что уже можно считать неплохим результатом. Самой распространенной и типичной была скептическая реакция Р.Солоу — «Ну и что?». Да, экономисты используют риторику, обращаются к авторитетам, в моделях используются аналогии и метафоры. Ну и что? Последовала полемика.

Из критических замечаний в адрес риторической программы остановимся подробнее на двух наиболее важных. Первое состоит в том, что фактически риторический подход усиливает позиции неоклассической теории и, по сути, является изощренным способом ее защиты. Второе критическое замечание связано с релятивистским отношением риторической программы к понятию «истины».

Первое критическое замечание в большей степени относится к Мак-Клоски. Фактически это упрек в недостаточной радикальности, с одной стороны, и в

недостаточной последовательности — с другой. Если модернизм устарел, то устарела не только его дискурсивная форма, но и само содержание экономической теории. Мак-Клоски практически не касается содержательной критики основных постулатов экономической теории. Напротив, он считает, что усиление риторики сможет продвинуть и укрепить основное течение экономической мысли. Именно это сходство в апологетике неоклассики между Фридменом и Мак-Клоски тонко подметил Ускали Маки.⁴⁸ Первый оправдывает неоклассику за «предсказательную силу», второй — за убедительность. Оба критикуют друг друга, но приходят к одинаковому выводу. Мак-Клоски поддерживает и экспорт экономизма, и признание «рыночной» природы человека в духе Беккера. Отвергая модернизм в эпистемологии, Мак-Клоски приветствует его в экономической теории.

Гораздо дальше в критике самой экономической теории идет Кламер. Он радикальнее вскрывает и веру в универсальность формальных принципов, и предпочтение аксиоматического языка, и упование на миф о целостном субъекте, и опору на механистические метафоры. Кламер критически осмысляет постулат о рациональности экономического поведения, вскрывая его культурные и идеологические коннотации. Рациональность предполагает верховенство разума над эмоциями, привычками, интуицией и предубеждениями, неявно пестует дух индивидуализма и своекорыстия, позволяет сфокусировать внимание на экономическом обмене как единственно возможном способе взаимодействия между людьми.⁴⁹ Тем самым позиции риториков отличаются в зависимости от изначальной веры в жизнеспособность неоклассической парадигмы.

По справедливому замечанию П.А.Отмахова, отношение к истине является «наименее продуманной и наиболее уязвимой частью концепции», поскольку «будь категория истины абсолютно бессодержательной абстракцией, экономическая риторика не имела бы никакого эффекта».⁵⁰ Как мы показали выше, в отношении к истине проявляется разница между античным и постмодернистским пониманием риторики. Если античное понимание риторики исходило из того, что истина есть, то в рамках постмодерна подчеркивается дискурсивная природа истины, вскрывается коррумпированность самого понятия, связанная с подменной властью, с желанием сохранить status quo. Представители риторической концепции не претендуют на научность и предлагают отойти от разделения на науку и искусство, объективное и субъективное. Тем не менее это слабое место концепции, поскольку привлекательность и убедительность теории становятся автоматически аргументами в пользу ее принятия. Поэтому очевидно, что успех на рынке «научного производства» может в таких условиях стать главным критерием признанности.

Представление экономической теории как риторики позволяет по-новому взглянуть на возможные пути будущего развития, помогающие выйти из «прокрустова ложа» предписывающих методологических норм.

Будущее экономической теории как риторики будет связано с активным изучением сопредельных дисциплин. В расширенное поле интеллектуальной деятельности смогут войти так называемые антимодернисты: схоласты, софисты, Цицерон, Гегель, Ницше, Хайдеггер, Фрейд, Фуко, Фрейзер и Мосс. Это может

позволить улучшить аргументацию и обратить экономическую теорию к человеку (Ad hominem).

Несмотря на существование контртенденций, будущее экономической теории будет не в последнюю очередь связано с поиском новых метафор. Неожиданные, смелые метафоры, родившиеся из образования новых союзов и совместных зон с другими дисциплинами, смогут дать новые решения. Если раньше этими сопредельными сферами были математика, физика, биология, то теперь ими могут стать лингвистика, социология и антропология, психоанализ, литературная критика, архитектура и музыка. Представление экономической теории как риторики соответствует периоду «брожения» и рождения новых идей на стыке наук и искусств. Экономическая теория в целях выживания и возвращения к человеку в очередной раз сможет стать «прикладной этикой». Изучение риторики, рассмотрение экономической теории как способа убеждения, как особой культуры готового слова будут важны и для повышения качества идей экономистов, которые, как остроумно замечал Кейнс, часто правят миром и могут быть опасными и для добра и для зла.

¹ См. ироничную заметку: *Стиглер Дж.* Пособие для участников конференций // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 223–225.

² У социологов есть даже специальный термин «экономическое зазнайство». Эмпирические исследования показали, что экономисты меньше цитируют и используют работы, написанные в рамках других социальных наук, чем в этих работах цитируются и используются труды экономистов (см: *Тамбовцев В.Л.* Исследования по метаэкономике. М., 1998. С. 8. У него дается ссылка на: *Davern M.E., Eitzen D.S.* Economic Sociology: An Examination of Intellectual Exchange // *The American Journal of Economics and Sociology.* 1995. Vol. 54. N 1. P. 79–88).

³ *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. Madison: University of Wisconsin Press. 1985; *Klamer A.* The New Classical Macroeconomics: Conversation with the New Classical Economists and Their Opponents. Brighton, 1984 (на русском см: *Мак-Клоски Д.* Риторика. Экономическая теория / Под ред. Дж.Итуэлла, М.Милгейта, П.Ньюмена. М., 2004. С. 748).

⁴ *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics: Second Edition. Madison: University of Wisconsin Press. 1998. P. XIV. — Дальнейшие цитаты будут приводиться именно по второму изданию, которое было переработано и расширено.

⁵ *Рязанов В.Т.* Проблема верификации в экономической теории // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. Вып. 4. 2004. С. 10; см. также: *Ананьин О.И., Одинцова М.И.* Методология экономической науки: современные тенденции и проблемы // Истоки. Вып. 4. М., 2000. С. 106–119.

⁶ *Отмахов П.А.* «Риторическая» концепция метода в экономической теории. Предварительные итоги развития // Истоки. Вып. 4. М., 2000. С. 138–176.

⁷ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 95, 121.

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Радикальные суждения см., к примеру, в следующей книге: *Ormerod P.* A Crisis of Economics. The Death of Economics. London., 1997.

¹⁰ Согласно опросам, проводимым социологами среди сотрудников таких базовых рыночных институтов, как Федеральная Резервная Система и Нью-Йоркская фондовая биржа, принятие решений опирается не на расчеты и концепции экономистов, а в большей степени на анекдоты, истории из жизни, идеологию и эмоции (подробнее см: *Аболафия М.* Рынки как культуры: этнографический подход // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В.Радаев. М., 2004. С. 431–444; *Abolafia M.* Making Markets: Opportunism and Restraint in Wall Street. Cambridge, 1996; *Abolafia M.* Making sense of Recession: Policy Making at the Federal Reserve // *The Economic Sociology of Capitalism* / Ed. by V. Nee and R. Swedberg. Princeton University Press, 2005).

¹¹ *Encyclopedia of Postmodernism* / Ed. by V. Taylor and C. Winqvist. Routledge, 2004 (2001). P. 251–252.

¹² Относительно буржуазного характера экономической теории см: *McCloskey D.* The Vices of Economists. The Virtues of the Bourgeoisie. Amsterdam, 1997.

¹³ *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. Second Edition. P. 143–144.

¹⁴ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003. С. 219–220. — Данное высказывание согласуется с оценкой общего движения западной цивилизации, капитализма в сторону все большей калькулируемости — формальная рациональность у М.Вебера, абстрактный труд у К.Маркса.

¹⁵ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. N 4. С. 32–33.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ В данном случае отсылка к известному делению Дж.Н. Кейнса: «Позитивная наука ... — совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; нормативная или регулятивная наука... — совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть... ; искусство... — система правил для достижений заданной цели» (Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии. М., 1899. С. 27–28, 36 [Цит. по:] Фридмен М. Указ соч. С. 20).

¹⁸ Фридмен М. Указ соч. С. 50–51.

¹⁹ Асимметрию индукции и дедукции Дж.С. Милль, К. Поппер, М. Блауг подкрепляют следующим характерным примером: «... сколько бы раз мы ни видели белых лебедей, это не дает нам права утверждать, что все лебеди — белые, однако достаточно один раз увидеть черного лебедя, чтобы опровергнуть данное утверждение» (Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М., 2004 (1992). С. 57).

²⁰ См.: Davis P., Hersh R. Rhetoric and Mathematics // The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs / Ed. by J. Nelson, A. Meggill, D. McCloskey. The University of Wisconsin Press. 1987. P. 53–68.

²¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. IV. М., 2000.

²² Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 130.

²³ Михайлов А.В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Античность как тип культуры / Отв. ред. А.Ф.Лосев. М., 1988. С. 310.

²⁴ Vico G. On the Study Methods of our Time. Cornell University. 1990. P. 38.

²⁵ Ibid. P. 74–77.

²⁶ См.: Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998 (1979); Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М., 2003 (2000).

²⁷ См.: Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002 (1973); Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979.

²⁸ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004 (1968). С. 124–125.

²⁹ См.: Кронтоп С. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Фуко, Деррида. Екатеринбург, 1999; Джеймисон Ф. Постмодернизм и рынок. Осень 2002. № 1. С. 77–92. — Вопрос о роли рынка в обществе постмодерна представляет особый интерес и требует отдельного рассмотрения.

³⁰ См.: Amarglio J. Economics as a Postmodern Discourse // Economics as a Discourse. An Analysis of the Language of Economists / Ed. by W.Samuels. Kluwer, 1990. P. 20–27.

³¹ См.: Мак-Клоски Д. Риторика... С. 748; McCloskey D. The Rhetoric of Economics... P. 24–27.

³² Блауг М. Методология экономической науки... С. 30.

³³ McCloskey D. Knowledge and Persuasion in Economics. Cambridge University Press. 1994. P. 285–286.

³⁴ Только 10.000 статей по экономической теории каждый год индексируется на предмет цитирования (см.: Klamer A., McCloskey D. Economics in the Human Conversation // The Consequences of Economic Rhetoric. Cambridge University Press. 1989. P. 7).

³⁵ Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Johns Hopkins University Press. 1964.

³⁶ Fishlow A. American Railroads and the Transformation of the Antebellum Economy. Cambridge, 1965.

³⁷ Нобелевская премия по экономике 1991 г. за открытие и обоснование значения транзакционных издержек и прав собственности для институциональной структуры и функционирования экономики.

³⁸ McCloskey D. The Rhetoric of Economics... P. 87–99.

³⁹ Коуз Р. «Природа фирмы»: истоки // Природа фирмы. М., 2001. С. 57.

⁴⁰ Coase R. The Lighthouse in Economics // The firm, the market, and the law. Chicago, 1990. P. 187–214.

⁴¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 183.

⁴² Блауг М. Историческая мысль в ретроспективе. М., 1994.

⁴³ Klamer A. The Textbook Presentation of Economic Discourse // Economics as a Discourse. An Analysis of the Language of Economists / Ed. by W. Samuels. Kluwer, 1990. P. 129–166.

⁴⁴ George D. The Rhetoric of Economic Texts // Journal of Economic Issues. Vol. XXIV. N3. September 1990. P. 861–878.

⁴⁵ Аристотель в «Поэтике» определяет метафору следующим образом: «Переносное слово — это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» (1457в). Примеры: «Корабль стоит, тысячи славных дел, медью вычерпнув душу, чаша — щит Диониса, щит — чаша Ареса, старость — медь, а старость — вечер жизни».

⁴⁶ McCloskey D. The Rhetoric of Economics... P. 40–44.

⁴⁷ Klamer A., Leonard T. So What's Economic Metaphor? // Natural Images in Economic Thought: «Markets read in tooth and claw» / Ed. by P. Mirowski. Cambridge University Press. 1994. P. 20–54.

⁴⁸ Отмахов П.А. «Риторическая» концепция метода в экономической теории. Предварительные итоги развития // Истоки. Вып. 4. М., 2000. С. 168–169.

⁴⁹ *Klamer A. As If Economists and Their Subjects Were Rational / The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs / Ed. by J.Nelson, A.Meggil, D.McCloskey. The University of Wisconsin Press. 1987. P. 174–177.*

⁵⁰ *Отмахов П.А. Указ соч. С. 173.*

Статья поступила в редакцию 8 июня 2005 г.